О. Н. Миронова

О ЗАБЫТОМ ЭПИЗОДЕ В РУССКО-ШВЕДСКИХ ОТНОШЕНИЯХ 20-х гг. XVII ВЕКА (НЕСОСТОЯВШЕЕСЯ СВАТОВСТВО ЦАРЯ МИХАИЛА РОМАНОВА)

Работа представлена кафедрой отечественной истории Рязанского государственного университета им. С. А. Есенина. Научный руководитель – доктор исторических наук, профессор В. Н. Козляков

Статья посвящена деятельности русских гонцов 1622–1623 гг., отправившихся в Швецию с тайной миссией разузнать о возможности брака между царем Михаилом Романовым и свояченицей короля Густава II Адольфа Екатериной бранденбургской. Несмотря на то что переговоры не принесли результатов, в грамотах царя и шведского короля прослеживается единомыслие по важнейшим военно-политическим вопросам.

Ключевые слова: династический брак, Михаил Романов, Густав II Адольф, Екатерина бранденбургская, русско-шведские отношения.

The paper is devoted to the activity of the Russian couriers who went to Sweden in 1622–1623 with a secret mission to find out about the possibility of marriage between Tsar Mikhail Romanov and King Gustav II Adolf's sister-in-law Catherine of Brandenburg. Though the negotiations were fruitless, the agreement of opinions of the tsar and the Swedish king about the important military and political issues can be traced in their charters.

Key words: dynastic marriage, Mikhail Romanov, Gustav II Adolf, Catherine of Brandenburg, Russian-Swedish relations.

После Смутного времени и польско-шведской интервенции Россия представляла собой разоренное, ослабленное государство. В 1613 г. во главе страны встал молодой царь Михаил Федорович Романов. Он явился основателем новой династии на русском престоле. У Московского государства была сложная задача: восстановить не только внутриполитическое благополучие, но и заново возродиться на международной арене. В этом случае брак с представителями европейских династий играл большую роль.

По достижении «мужеского возраста» Михаил Романов начал подыскивать для себя жену. Первая попытка молодого царя (1616 г.) найти себе невесту самостоятельно была неудачной. Брак с Марией Хлоповой не состоялся из-за дворцовых интриг. В 1621 г. поиски жены возобновились. На этот раз организатором будущего брака Михаила Федоровича выступил его отец патриарх Филарет. Прекрасно сведущий в делах внешней политики, Филарет рассматривал брак своего сына как возможность возвысить новую династию и тем самым укрепить положение возрождавшейся России в глазах европейских государств. Д. И. Иловайский писал: «Как основатель новой русской династии, естественно Филарет желал придать ей блеска родственным союзом с каким-либо владетельным европейским домом» [3, с. 35].

Первоначально послали одного московского немца в Дрезден для тайного собирания информации о саксонских принцессах. Его деятельность была безуспешной [3, с. 35]. Тогда взоры московского двора были направлены на Данию. Однако попытки организовать свадьбу царя Михаила Романова и племянницы

датского короля Христиана IV также не увенчались успехом [4, с. 147–148; 8, с. 119–120; 9, с. 458–469].

Оценив все просчеты, в 1622 г. московское правительство отправило на этот раз в Швецию переводчика Елисея Павлова с тайной грамотой к королю Густаву II Адольфу. В грамоте высказывалось предложение выдать за Михаила Федоровича свояченицу Густава-Адольфа, маркграфиню Екатерину, дочь курфюрста бранденбургского. Получив ответ Густава-Адольфа, в 1623 г. в Швецию отправили переводчика Андрея Англера для продолжения тайных переговоров о сватовстве.

В документах, рассказывающих о сватовстве Михаила Федоровича к Екатерине, нет захватывающих, пышных и красочных описаний такого, казалось бы, любопытного события. По своей сути официального сватовства так и не состоялось, а поездки гонцов – это своего рода «прощупывание почвы», договоренность о сватовстве для того, чтобы в дальнейшем свести на нет возможность отказа и, таким образом, не попасть впросак во время официального предложения. Возможно, это и объясняет тот факт, что историки, рассказывая о жизни Михаила Федоровича, лишь упоминали сватовство и не вдавались в подробности этого события. Единственным исследователем, который уделил особое внимание переговорам Елисея Павлова и Андрея Англера, был Д. Цветаев. В своей книге «Протестантство и протестанты в России до эпохи преобразований» историк подробно описал события, помещая в работу большое количество цитат из архивных документов [9, с. 469-475].

Упоминали в своих трудах дипломатические поездки в Швецию 1622–1623 гг. Д. И. Иловайский [3, с. 35–36] и Н. Н. Бантыш-Каменский [1, с. 153]. Д. И. Иловайский верно назвал цели поиска невесты за рубежом и причины отказа. Н. Н. Бантыш-Каменский заметил, что послы в своем разговоре проводили параллель сватовства русского царя и женитьбы Густава-Адольфа на дочери того же бранденбургского курфюрста. Однако историки подробно не вдавались в описание самого процесса и упустили важные политические вопросы, поднимавшиеся во время переговоров с Густавом-Адольфом.

Целью настоящей статьи является рассмотрение сватовства Михаила Федоровича в контексте внешнеполитических событий 20-х гг. XVII в.; изучение переговоров как факта, который укрепил дипломатические отношения между странами, где на фоне брачных договоренностей поднимались главнейшие вопросы дальнейших контактов между государствами.

В Российском государственном архиве древних актов сохранились два дела, рассказывающих о посольствах 1622 и 1623 гг. В первом из них содержатся грамоты «о причиняемых от его королевских подданных российским обидах и о перебежчиках». Эти грамоты, скорее всего, являлись формальным поводом для посольства, лишь прикрывая основную цель – подготовку сватовства [6]. Вопросы о перебежчиках были обычным делом в русско-шведских отношениях после заключения Столбовского мирного договора, они сопровождали любое посольство, но при этом никогда не были главными во время переговоров, так как в основном решались в переписках воевод пограничных городов. Этот факт лишний раз подтверждает, что главным в переговорах 1622 г. являлся вопрос о сватовстве. Второй документ рассказывает о поездке в гонцах переводчика Андрея Англера с грамотой от царя Михаила Федоровича, «извещающей желание свое вступить в супружество» с Екатериной бранденбургской [7].

В сохранившемся документе 1622 г. нет ни слова о сватовстве. Однако Д. Цветаев в своей работе, опубликованной в 1890 г., пишет о тайной грамоте, которую Елисей Павлов вручил шведскому королю, и, более того, он помещает цитаты из этого документа [9, с. 470]. Чуть позже, в 1899 г. Д. И. Иловайский [3, с. 35–36], а в 1902 г. Н. Н. Бантыш-Каменский [1, с. 153], в своих трудах рассказывали о тайном поручении Елисея Павлова сватать свояченицу шведского короля Екатерину.

Изучение дела об «Об отправлении в Швецию переводчика Елисея…» показало, что оно дошло до наших дней далеко не полным. Последние листы сохранившегося документа – это письмо царя Михаила Федоровича к новгородскому воеводе Д. И. Мезецкому. В письме говорится о приезде переводчика Елисея Павлова в Великий Новгород и дается наказ воеводе отправить гонца в Ругодив [6, с. 30–32]. В деле нет документов, рассказывающих о приезде Е. Павлова в Швецию, о переговорах с королем и о возвращении его в Москву. Следовательно, большая часть документа является утерянной.

На сегодняшний момент дело под названием «Отправление в Швецию переводчика Елисея…» сохранилось в 32 листах. На папке, в которой хранится дело, есть пометки о том, что 18 января 1930 г. документ состоял из 34 листов, а 22 июля 1943 г. было уже 32 листа. Содержание и характер документа вполне точно показывает, что на этих двух листах, пропавших с 1930 по 1943 г., не могло уместиться окончание дела вместе с тайными грамотами. Это значит, что большая часть документа пропала в период с конца XIX – начала XX в., когда оно использовалось Иловайским и Бантыш-Каменским, по 1930 г.

На папке, в которой хранится дело, также имеется запись, свидетельствующая о том, что в 1911 г. документом пользовался Е. Д. Сташевский. С именем Сташевского связана очень неприятная история, подробно описанная С. И. Михальченко [5, с. 146–153]. В 1915 г. историк был обвинен в похищении документов из Московских архивов Министерства юстиции и Министерства иностранных дел. Можно предположить, что часть документа пропала именно по вине Е. Д. Сташевского.

Выбор в качестве будущей жены свояченицы шведского короля Екатерины был не случайным. Во-первых, после заключения Столбовского мирного договора (1617 г.), в непростых русско-шведских отношениях наметилось потепление. Во-вторых, Россия и Швеция имели общего врага – Речь Посполитую, и междинастический брак мог сыграть положительную роль в создании военного антипольского союза. Возможность создания русско-шведского союза была закреплена в 33-м пункте Столбовского договора, где говорилось, что Россия и Швеция могут заключать союз «против короля Польши Сигизмунда, всего Польского королевства и Великого княжества Литовского на условиях, которые покажутся наилучшими обоим великим государям» [2, с. 431]. В-третьих, Екатерина была протестанткой, а следовательно, ей не грозило повторит судьбу Марины Мнишек, принадлежавшей к так ненавистной в русском обществе первой половины XVII в. католической вере.

Сватовство, да еще и когда дело касается двух великих держав, не могло быть тайным. Однако как Елисею Павлову, так и Андрею Англеру предстояло лишь разузнать отношение шведского короля к этому серьезному вопросу, а также обсудить брачные условия. С этой целью гонцам поручались две грамоты – официальная и тайная. Переговоры о сватовстве велись только напрямую с королем. В гра-

моте царя 1623 г. подчеркивается, что Елисей Павлов объявил о сватовстве в «тайной комнате» Густава-Адольфа [7, л. 7]. В памяти переводчика Андрея Англера говорится о том, что «оприч короля грамоты и письма никому не давать» [7, л. 46].

В тайной грамоте гонца Елисея Павлова говорилось, что Михаил Федорович, достигнув «мужескаго возраста», хочет сочетаться законным браком с княжной Екатериной и «тем еще сильнее укрепить и утвердить прежнюю любовь между ими, государями, и между Русским и Шведским государствами». Шведский король Густав-Адольф отреагировал на предложение с большим энтузиазмом. В ответной грамоте он пишет, что «принимает то с любовью и, если суждено Богом, желает и будет помогать царскому величеству в его начатом деле».

Однако не все решалось так просто. Густав-Адольф «не имеет полной воли над высокороженной княжной» и не может дать ответ на предложение Михаила Федоровича «без ссылки с ея близкими родными». Но король надеялся, что они дадут согласие.

Главным же и решающим во время сватовства оставался вопрос о вероисповедании. Во внешней политике, которая разворачивалась на фоне Тридцатилетней войны (1618–1648 гг.) и борьбы с Речью Посполитой, границы между протестантизмом и православием, казалось, становились невидимыми перед главным врагом – католицизмом, но в вопросах женитьбы вероисповедание стало камнем преткновения. Густаф-Адольф от имени родственников Екатерины настаивал на том, чтобы княжна и слуги ее остались в своей протестантской вере, а также на том, чтобы у них была возможность «вольно держать свое пенье и службу в кирках своих» [9, с. 470].

Правительство царя Михаила Федоровича никак не могло пойти на такие уступки. В грамоте, которую привез Андрей Англер, написано: «для любви и крепкого союза» Екатерина должна быть «с ним, государем, в одной православной христианской вере», а значит, ей следует принять «святое крещение», так как «без этого начального и главного дела их государскому законному супружеству статься невозможно: потому что нашей православной христианской вере греческаго закона у иных вер рознь многая». В грамоте написано, что «двух вер великие государи наши с супругами никогда не бывали и впредь то быть не может» [9, с. 471–472].

Было отказано шведскому королю в строительстве костелов для совершения службы Екатерины и ее ближних людей, так как «костелы в Московском государстве и иных вер не бывали николи и впредь тое статися не может, потому что то нашей православной вере противно» [7, л. 31; 9, с. 472].

В вопросе о религиозной принадлежности ближних людей Екатерины и ее слуг отказ московского правительства звучал достаточно мягко, но однозначно. В грамоте написано, что они будут вознаграждены «царским жалованьем… по их достоинству», однако «будет де тем людем, которые приедут с высокороженной княжною Екатериною в нашей православной греческой закону в московском государстве быти не похотят и похотят ехати в свою землю и великий государь наш его царское величество пожаловав их своим государским жалованьем велит отпустити в их землю… безо всякого задержанья» [7, л. 30–32; 9, с. 472].

В ответной королевской грамоте, привезенной Андреем Англером, написано, что Густав-Адольф «хочет то видети что б такое… совокупление збылося», и он желает с Михаилом Федоровичем «быти в своячистве и в ближнем приятельстве», а также надеется, что «от того родит-

ца много всякого добра… и от того будет их недругом страсть и погибель» [7, л. 58–59]. Однако шведский король продолжал настаивать на своих требованиях.

Швеция имела многовековые торговые и дипломатические связи с Россией и прекрасно знала русские традиции, в том числе и большую значимость православия для Московского государства. Вряд ли Густав-Адольф тешил себя надеждами, что на этот раз русский царь Михаил Федорович изменит давно устоявшиеся правила и позволит своей жене и русской царице жить в иной вере. Почему же шведский король продолжал переговоры о сватовстве, а не ответил сразу отказом, если наперед знал их исход? Ответ следует искать во внешней политике. Поддержка России в войне с Польшей была очень важна для Швеции. Уже в 1626 г. Густав-Адольф предпримет первую попытку склонить Московское государство к военному союзу против Речи Посполитой, который в итоге образуется в начале 30-х гг. XVII в. Это и являлось причиной того, что шведский король старался показать русскому правительству свое участие, расположение и дружественное отношение даже в вопросах сватовства. К тому же долгие переговоры способствовали накоплению знаний о своем будущем союзнике.

Во время обсуждения возможного брака нельзя было обойти стороной вопрос об отношении с польским королем Сигизмундом III. Дело в том, что, получив в 1618 г. Восточную Пруссию, курфюрст бранденбургский, в качестве прусского герцога, стал вассально зависимым от Речи Посполитой. Русское правительство опасалось, что польский король попытается помешать брачному союзу. Но все же оно было уверено, что курфюрст бранденбургский может «вольно за кого бы не захотел, выдать сестру или дочь». У него «государство немалое и в немецких государствах много родственников и приятелей», поэтому браку «польский король воспрепятствовать не может». Главным же аргументом возможности брака сестры бранденбургского курфюрста и русского царя, несмотря на протесты Сигизмунда III, был так называемый «образец», который заключался в том, что «сам королевское величество [Густав-Адольф] женился в том славном доме и взял за себя курфюрста бранденбургского дочь». В грамоте имеется и напоминание о том, что «польский король о том погневался, однако курфюрсту бранденбургскому учинить ничего не мог, всчинать войну было бы против правды» [7, л. 38–43; 9, с. 472–473].

Другим требованием, которое выдвинул Густав-Адольф, являлось предоставление Екатерине «особых почетных мест». Еще в 1622 г. шведский король в ответной грамоте пишет: если Екатерине и ее людям «даны будут особые почетные места и города с уездами, и польский король, которому, конечно, не понравится этот брак, не будет допущен до ссоры с подчиненным ему бранденбургским курфюрстом».

Русская же сторона видела разрешение этого вопроса достаточно просто и очевидно. В грамоте, привезенной Андреем Англером, написано, что, когда Екатерина станет царицей «вся великия Российския государства будут их государския сообща нераздельно… если она произволит какие города и уезды иметь на свое имя и доходы с них сбирать на свои дворовые обиходы и на слуг, и великий государь наш за то не постоит: города, места и уезды даны будут безо всякой скудости, и во всю свою жизнь она скудости и неволи иметь не будет» [7, л. 35; 9, с. 472].

Такой ответ не удовлетворил шведского короля. В ответной грамоте 1623 г. Густав-Адольф продолжает настаивать на том, чтобы Екатерина «была устроена

особыми городами, землей и уездами на всю свою жизнь, хотя бы, по Божьему произволению, она пережила своего супруга» [9, с. 474].

Густав-Адольф так и не оповестил родственников маркграфини Екатерины о сватовстве. Он обещает сделать это лишь в том случае, если русский царь примет все его условия, которые состояли из трех пунктов: остаться Екатерине в своей вере, иметь слуг той веры, какой она пожелает, и быть обеспеченной особыми местами. Также шведский король настаивает на том, чтобы с русской стороны были отправлены в Швецию великие послы для того, чтобы договориться и «укрепити, а без тово в обычаях не ведетца, что отпустити такую великую княжну в дальнюю чужую землю» [7, л. 67]. Русское великое посольство так и не отправилось в Швецию. Принципы брачных условий, выраженные как с русской, так и со шведской стороны, были так различны, что возможность договориться между двумя государствами сводилась на нет.

Москва и Стокгольм не смогли прийти к компромиссу, однако благосклонный тон переговоров, казалось бы, искреннее желание Густава-Адольфа поучаствовать в судьбе царя значительно сгладили разочарования русского правительства. Переговоры 1622–1623 гг. не только не ухудшили дипломатические отношения между странами, но и, очевидно, сблизили их. Пусть и вскользь, но все же разговоры о польской угрозе показали первые ростки внешнеполитического единомыслия, лишний раз заставили задуматься о возможности совместной борьбы с общим врагом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бантыш-Каменский Н. Н.* Обзор внешних сношений России (по 1800 год). Ч. 4: Комиссия печатания государственных грамот и договоров при Московском главном архиве Министерства иностранных дел. М., 1902. IV. 463 с.

2. *Видекинд Ю.* История десятилетней шведско-московской войны. М.: Памятники исторической мысли, 2000. 652 с.

3. *Иловайский Д. И.* История России. Т. 4. Вып. 2: Эпоха Михаила Федоровича Романова. М., 1899. VIII. 375 с.

4. *Козляков В. Н.* Михаил Федорович. М.: Молодая гвардия, 2004. 341 с.

5. *Михальченко С. И.* Киевская школа в российской историографии. (В. Б. Антонович, М. В. Довнар-Запольский и их ученики). М.: Прометей – Брянск: Издательство БГПУ, 1997. 228 с.

6. Российский государственный архив древних актов. Ф. 96 «Сношение России со Швецией». О. 1. 1622 г.; 2. 32 л.

7. Российский государственный архив древних актов. Ф. 96 «Сношение России со Швецией». О. 1. 1623 г.; 2. 84 л.

8. *Соловьев С. М.* Сочинения: В 18 кн. Кн. V. Т. 9–10: История России с древнейших времен. М.: Мысль, 1990. 718 с.

9. *Цветаев Д.* Протестантство и протестанты в России до эпохи преобразований. М., 1890. VIII. 782. II с.